

ЕЛЕНА ЛАРИНА,
ВЛАДИМИР ОВЧИНСКИЙ

ПРЕСТУПНОСТЬ ЭПОХИ ПРОМЫШЛЕННОЙ РЕВОЛЮЦИИ XXI ВЕКА

Власть без порядка

Темпы общественной динамики связаны, в первую очередь, с наиболее динамичным элементом современной цивилизации, а именно со скоростью изменения науки, техники, технологий. Несмотря на то, что, начиная с XVI века, темпы научно-технического прогресса ускорились, они вплоть до последней четверти XX века росли в арифметической прогрессии, а в последней четверти XX века и в XXI веке стали расти по экспоненте. Арифметическая прогрессия предусматривает, что прирост измеряется процентами и носит более или менее стабильный характер.

У читателя может возникнуть вопрос, а какое отношение темпы научно-технического прогресса, в частности, и общественной динамики в целом имеют к закону и квалификации преступного поведения. Отношение они имеют самое прямое. Любой закон в любом государстве — это выверенная, согласованная внутри общества и его правящих элит норма, которая закрепляет прошлый опыт. На протяжении всей человеческой истории законы принимались, исходя из уже накопленного обществом опыта. Грубо говоря, закон — это отражение прошлого в настоящем.

Пока мир был медленным, законы эффективно выполняли свою роль. Будущее в значительной степени было продолжением настоящего. Соответственно квалификация поведения в качестве преступного или благонамеренного в подавляющем большинстве случаев совпадала с фактическим положением дел.

Здесь будет уместно отметить и ещё одну принципиальную для юристов и правоохранителей черту, которая подавляющему большинству населения кажется второстепенной тонкостью. В мире не существует единой системы построения законов. Даже если анализировать европейскую цивилизацию, к которой принадлежит Россия, дела обстоят весьма неоднозначно.

Большая часть европейских стран, включая, например, Германию, Францию, Россию, Италию и т. п., строит своё законодательство на принципах римского, или как ещё его называют, континентального права. Римское право предусматривает, что высшим критерием при принятии любого судебного решения является закон, его статьи, параграфы и т. п.

По-другому дело обстоит в Великобритании и по большей части в США, а также других странах Британского Содружества наций, например, Канаде,

* Начало в №3 за 2017 год.

Австралии, Новой Зеландии и т. п. Здесь господствует так называемое прецедентное право. Законы в этих странах тоже существуют. Однако они играют роль не непреложных истин, а ориентиров для судов присяжных, которые выносят каждый раз вердикт применительно к конкретной ситуации и ранее имевшимся прецедентам, в которых имели место схожие коллизии.

У каждой из систем есть свои преимущества и недостатки. Система континентального права минимизирует роль адвокатуры и других факторов, связанных с наличием или отсутствием у подсудимых финансовых ресурсов, обеспечивает единообразие принятия решений и равенство граждан перед законом. Однако в силу своего единообразия она негибка и консервативна.

Напротив, прецедентное или англосаксонское право максимально подвижно, позволяет идти в ногу со временем и постоянно совершенствовать законодательство через принятие прецедентных решений по мере появления новых явлений и развития не существовавших ранее процессов. Однако эта же система превращает юристов едва ли не в ключевые фигуры общества и ставит страны в полную, почти рабскую зависимость от функционирования огромной и избыточно дорогой юридической машины, включающей полчища адвокатов, юрисконсультов, специалистов по отдельным видам права, экспертам по поиску доказательств и т. п.

В общем, идеального законодательства, как, впрочем, и любых других вещей, в мире нет. У всего есть плюсы и минусы, светлые и тёмные стороны. Однако в любом случае, **чем быстрее развивается научный и технологический прогресс, разворачиваются производственные революции, тем острее становятся коллизии между законом и действительностью**, тем больше возникает “серых” зон, где действительность не ограничена какими-либо законодательными рамками.

Этому способствуют и политические причины.

Сегодня можно говорить о появлении огромных зон беспорядка, хаоса и так называемых несостоявшихся государств. На последнем хотелось бы остановиться особо. Отличительной особенностью нынешнего мира стала фрагментарность. Например, в одних районах Алеппо (Сирия) могут вести упорные бои с применением танков и лёгких ракет, а в других продолжает кипеть жизнь, женщины прогуливают детей и пульсирует тысячами сделок знаменитый Алеппский базар. Если в прошлом в ходе боевых действий разрушения носили ковровый характер, то сегодня они имеют преимущественно очаговый вид. Это ведёт к тому, что на просторах несостоявшихся государств на Ближнем Востоке, в странах Магриба, в тропической Африке действуют функционирующие городские зоны. В них отсутствует полиция, нет судов, улицы не патрулируют регулярные войска, зато отлично действует широкополосный интернет, работает телевидение, действуют небольшие мастерские по производству боевых роботов или видеоконтента. Несмотря, а возможно и благодаря более чем 10-летней гражданской войне в Сомали, этот регион стал известен не только пиратами, нападающими даже на танкеры, но и изготвлением радиоуправляемых пехотных мин. В Месопотамии, где идут непрерывные бои между иракскими вооружёнными силами и войсками американской коалиции с иррегулярными подразделениями ИГИЛ, успешно функционируют студии по созданию компьютерных игр, учебных онлайн игр и видеоконтента. По качеству продукции эти студии, расположенные в небольших городках, не уступают продукции производителей из Лондона и Сан-Франциско. **В современном мире высокотехнологичная преступность всё чаще локализована не в мегаполисах, а в зонах беспорядка и в несостоявшихся государствах.**

Появление крупных региональных объединений, носящих не только экономический, но и отчасти политический характер, в первую очередь, ЕС, НАТО и т. п. привело к ограничению возможностей государств, в том числе в правоустанавливающей и правоприменительной деятельности.

Появление региональных группировок, будь то уже упомянутые ЕС, НАТО или же ЕАЭС, ШОС, является ответом на развитие трансграничного, в значительной мере регионального и даже глобального разделения труда и производства. Или, как говорит известный российский экономист О. Григорьев, происходит формирование компактных технологических зон. Появление указанных и подобных структур является не данью политической конъюнктуры и не прихотью политиков, а производственно-экономическим императивом.

Однако любое такое объединение будет эффективным лишь в том случае, если имеет в арсенале различные, в том числе законодательные и нормативные методы реализации целей. Соответственно такого рода структуры, вне зависимости от желания из создателей, просто в силу собственной внутренней логики развития, будут стараться брать на себя часть государственных функций. Государства же, являясь носителями суверенитета, за которым стоят как властвующие элиты, так и подвластное население, будут стараться воспрепятствовать перетоку полномочий и прав в сторону наднациональных институтов. Собственно, “брексит” стал первой, но не последней ласточкой этого процесса.

Как бы там ни было, благословенные времена Вестфальской системы с однозначно зафиксированным суверенитетом национального государства миновали. Наднациональные органы будут пытаться взять на себя часть суверенитета. Даже в том случае, если эти попытки не увенчаются успехом, любой конфликт между легитимными структурами власти создаёт “серые” зоны для преступников и ограничивает возможности эффективной борьбы с преступностью из-за множющихся споров.

Известный американский учёный Ричард Хаас (Richard N. Haass) в одной из своих последних статей “Мировой порядок 2.0” вообще сделал вывод о том, что в глобализированном мире глобальная операционная система, основанная исключительно на принципе уважения суверенитета **“Мировой порядок 1.0”**, становится всё более неадекватной: происходящее внутри одной страны перестает быть интересом одной только этой страны. Сегодняшние реалии, считает Хаас, требуют обновлённой операционной системы **“Мировой порядок 2.0”**, основанной на идее “суверенных обязательств”: суверенные государства должны иметь не только права, но и обязательства перед другими странами. Причём Хаас причисляет киберпространство к той сфере, где, в первую очередь, целью должно стать создание международных механизмов, стимулирующих препятствие злоупотреблениям. Правительствам, пишет он, придётся постоянно работать в рамках этого режима в соответствии со своими суверенными обязательствами, в противном случае они столкнутся с санкциями или контрмерами.

Часто проблема взаимоотношений между государствами и наднациональными органами маскирует, а иногда и подменяет ещё более серьёзную и опасную в перспективе в политическом плане проблему взаимодействия государства и крупнейших корпораций. Бывшая администрация США Б. Обамы пыталась решить эту проблему в рамках создания Транстихоокеанского торгового и Трансатлантического инвестиционного и торгового партнёрств. Нынешняя администрация Д. Трампа делает всё, чтобы поставить на этих партнёрствах крест. Однако позволим себе высказать гипотезу, что крест поставить не удастся. Более того, в том или ином виде в ближайшие годы эти партнёрства возродятся и будут ратифицированы.

Как известно, краеугольный камень Вестфальской системы – это принцип национального, то есть локального географического суверенитета государства и возглавляющей его правящей элиты. Сложился этот принцип ещё до начала первой промышленной революции. Каждая следующая промышленная (производственная) революция вела к взлому локальных рынков и формированию глобального разделения труда и производства.

Новая производственная революция – не исключение. Как отмечалось ранее, несущей конструкцией, стержневой отраслью новой производственной революции являются информационно-коммуникационные технологии. Если на первом, подготовительном этапе нынешней производственной революции, получившей название “интернет-революция”, основные экономические достижения были связаны с формированием новых торговых рынков, рынков рекламы, пиара и т. п., то на нынешнем этапе **информационно-коммуникационные технологии пришли непосредственно в производство.**

Производственной революции без заметного увеличения темпов производительности труда не бывает. Именно поэтому интернет-революция – это никакая не отдельная революция, а лишь подготовительный этап нынешней. Этап, когда создавался рынок, а также среда для торговли, рекламы, накопления данных и передачи информации.

К началу 2017 года можно выделить примерно 25 крупнейших корпораций, в основном, в Соединённых Штатах, Японии, Южной Корее, а также Китае, Скандинавских странах и Германии, которые займут на период ближайших

10–20 лет лидирующие позиции в производстве робототехники, оборудования для синтетической биологии, 3D-печати, в торговле и дистрибуции, индустрии развлечений и т. п. Например, пять крупнейших по капитализации компаний Америки и мира – это Apple, Google, Facebook, Amazon и Microsoft.

Эти компании действуют по всему миру. Уже сегодня, а тем более завтра будет более важным не то, что, например, Amazon продаёт товары в Америке и в Европе, а то, что облака Amazon и экспортную систему этой компании используют мелкие производители одежды, обуви и других товаров народного потребления по всему миру. Сегодня им трудно работать без Amazon, а завтра они просто не смогут отключиться от него, поскольку иначе остановится весь производственный процесс. Абсолютно то же самое можно сказать про роботизированные комплексы Google по всему миру, гибкие перенастраиваемые на выпуск любой продукции комплексы фаб-лабы, приобретённые недавно Microsoft и т. п.

В результате возникает дилемма. С каждым годом растущее по экспоненте число производителей, логистов и покупателей будет завязано на глобальные компании. А продолжать жить они будут в государствах. Уже сегодня по экономической мощи, например, Google является восьмой экономикой мира. По оценкам МТІ, к 2020 году Google, Amazon и Microsoft обгонят по годовому объёму ВВП России, Бразилию и Мексику.

Поскольку основная деятельность всё растущего числа активных участников производственного процесса и потребителей будет происходить на глобальных платформах, соответственно эти платформы будут просто вынуждены брать на себя функции недопущения преступлений, мошенничеств, хищения средств в рамках организованной на них производственной деятельности. Однако такая платформенная борьба с преступностью не имеет ничего общего с нынешним пониманием системы информационной безопасности. По сути, речь идёт **о необходимости появления в ближайшие годы своего рода международного платформенного законодательства и соответствующих структур, пресекающих и наказывающих за нарушения законодательства.**

Однако в привычном нам мире все перечисленные функции брало на себя государство. Они были неотъемлемыми компонентами его суверенитета. Отсюда несложно предположить, что буквально в ближайшие годы между платформами и государствами будут нарастать споры и антагонизм. В рамках Транстихоокеанского и Трансатлантического партнёрств имелось в виду постараться упреждающим образом снять этот конфликт, создав специальные суды, которые могли бы рассматривать процессы, участниками которых являются три стороны: государство как носитель суверенитета, платформы как среда производственной деятельности и коммерческой активности и, соответственно, потерпевший или подозреваемый человек либо группа.

Нет сомнений, в рамках создания партнёрств крупнейшие корпорации преследовали и собственные цели, противоречащие интересам населения и государств. Однако наличие таких эгоистических интересов не отменяет того факта, что в самом скором времени описанные выше конфликты станут реальностью. С ними всё равно придётся что-то делать, если их своевременно не решить. Преступники получают колоссальную фору и перед гражданами, и перед государствами, и перед корпорациями.

Не удастся также вырезать экономикой из деятельности, связанной с деятельностью глобальных платформ. В нынешних условиях это будет означать автаркию, развитие, опираясь исключительно на собственные силы. Принимая во внимание тенденции мировой динамики, страна, взявшаяся проводить такую политику, буквально в течение трёх–пяти лет отстанет от мира больше, чем КНДР сегодня.

Несложно заметить, что изменения возможностей и отчасти роли государств чем дальше, тем больше порождает всё возрастающее число “серых” зон и “чёрных” дыр. В этих зонах и дырах преступники, не признающие национальных границ и использующие различного рода законодательные и властные противоречия между государственными органами, получают шансы и возможности, каких у них не было никогда в истории криминала.

Однако спорами вокруг компетенций и суверенитета между государствами, наднациональными и международными органами, а также корпорациями грядущие неприятности не исчерпываются. Власть беспорядка подпитывается

экспансией человека в среды, не затронутые каким-либо регулированием и законодательной практикой.

Примерно в течение 20 лет интернет как прибежище “гиков”, “нердов” и “ботаников” мало интересовал государственные органы. Лишь в нулевые годы, с появлением широкополосного дешёвого интернета и приходом в него основной доли населения всех развитых стран мира, интернет был тут же осмыслен как пятая сфера, наряду с сушей, морем, воздухом и космосом.

Известно, язык в значительной степени формирует мышление. Слова, которыми мы пользуемся, помимо нашего сознания складываются в определённую картину реальности. Эта картина в итоге превращается в фильтр или тоннель реальности, через который проходят все впечатления внешнего мира. Поэтому использование того или иного термина – вещь не только немаловажная, но и в отдельных случаях небезопасная.

Вряд ли найдётся человек, не знающий терминов киберпространство или интернет-пространство. Соответственно мыслится, что государство в интернете может так же, как и на суше и на море, установить границы, обнести их колючей проволокой и пустить по нейтральной полосе бравых пограничников с собаками. Вся печаль состоит в том, что никакого кибер- или интернет-пространства не существует и существовать не может. Если вода, суша, воздух и космос – это реальные физические среды, то **киберпространство – это типичный мираж**. Никакого киберпространства нет. Существуют электромагнитные и оптические волны. Они пронизывают воздух и космос, при желании их можно передавать в водной среде и под землёй. Однако особенность оптических и электромагнитных волн такова, что, хотя их можно заглушить – экранировать, – их не представляется возможным ограничить.

На практике это означает, что при всей политической важности и справедливости термина информационного суверенитета, связанного, например, с хранением персональных данных на серверах территории той или иной страны и т. п., в чисто производственно-технологическом плане – это нонсенс. Электромагнитное поле планеты Земля, в котором распространяются волны, представляет собой единый неделимый объект, более того, уходящий в космос.

Вся концепция суверенитета, сложившаяся в XVII веке, базировалась на географической локализации. Чётко ограничивалась территория, включая в последующем морское и воздушное пространство, где государство в лице руководителей или властителей могло делать всё, что угодно, и другие государства в это вмешиваться не могли. С электромагнитной средой это сделать невозможно именно по причине её полевого характера. Бесспорно, те или иные аппаратные средства можно разместить в любой географической точке. Однако уже сегодня, а тем более завтра, с появлением квази-квантовых компьютеров, любое устройство, соединённое с сетью, перестанет быть изолированным и, соответственно, может быть достижимо для многофункциональных программ, в том числе шпионского и боевого характера.

Поэтому **концепция информационного суверенитета – это, прежде всего, политическая концепция**. Она предполагает, что подавляющее большинство стран заинтересовано в том, чтобы договориться о невмешательстве в информационные сферы и работу программно-аппаратных устройств и сетей других стран. Основными сторонниками и этого подхода являются Китай, Россия, Индия. Противниками – Соединённые Штаты, ЕС, Япония. Однако парадокс заключается в следующем. В максимальной степени в принятии на международном уровне правовых норм информационного суверенитета заинтересованы, в первую очередь, страны с максимальным уровнем развития информационных технологий, то есть, прежде всего, США, Великобритания, Япония, Скандинавские страны. Чем больше в стране развит интернет, тем она уязвимее против многофункциональных, шпионских и боевых программ. Хорошая новость заключается в том, что администрация Д. Трампа понимает все опасности кибервойн и кибернападений на Соединённые Штаты и, похоже, готова двигаться к заключению соглашения об уважении информационного суверенитета.

Плохая новость в известной степени обесценивает хорошую. **Трансграничная высокотехнологичная преступность бесповоротно отрицает сам по себе подход информационного суверенитета**. Отличаясь от государственных служб пренебрежением к законам, преступность может и уже действу-

ет поверх любых границ, используя межгосударственные споры, недоговоренности и взаимные обвинения.

Более того, сама по себе **кибервойна является лучшей формой проведения операций под чужим флагом**. В недалёком прошлом спецслужбы многих государств, например, нацистской Германии перед Отечественной войной или Соединённые Штаты в период высадки союзников в Италии, а также страны НАТО в 70-е годы использовали уголовных преступников, выдавая их за радикальные политические группы, ориентированные на Москву. Такого рода активные действия получили название “операции под чужим флагом”. В ближайшем будущем можно ожидать, что преступные группировки будут проводить те или иные высокотехнологичные операции, в первую очередь, против финансовых, правительственных и иных структур, маскируясь под государственные подразделения. Если раньше разведчики выдавали бандитов за спецподразделения других государств, то уже завтра бандиты будут маскироваться под спецслужбы, стравливая одни государства с другими. Более того, возможно, что это происходит уже сегодня. Ряд признаков говорит о том, что взлом серверов Демократической партии в США был делом рук многонациональной разветвлённой группировки, заинтересованной в долгосрочной дестабилизации финансовых рынков. При этом взлом был организован таким образом, чтобы он максимально походил на действия российских провластных хакеров.

В конце XX – начале XXI веков люди во многих странах больше всего боялись воцарения *нового мирового порядка*. Как это часто бывает, действительность превосходит самые смелые ожидания, а прогнозы сбываются с точностью до наоборот. Наш сегодняшний, а тем более завтрашний мир наиболее точно можно описать как власть беспорядка.

Гуманитарное измерение преступности

Практики и теории борьбы с криминалом едины в понимании преступности как нарушения национальных и международных законов. Однако современное государство и его законодательная система – это проходящее явление. Были в истории человечества периоды, когда их не существовало. Кроме того, появляется всё больше признаков, что время существования государств не бесконечно, и человечество вновь может оказаться в безгосударственной эпохе.

Кстати, известный экономист и политический деятель Жак Аттали в своей книге “Краткая история будущего” как один из вариантов развития человечества прогнозирует возможное наступление на планете **варварской эпохи**, когда мир погрязнет в разрушительных войнах. А государства, религиозные объединения, террористические группировки и пираты, используя новейшее оружие, будут уничтожать друг друга. Такой ход событий Аттали назвал гиперконфликтом. По существу, реализацию такого сценария мы видим на примере ИГИЛ, Талибана, латиноамериканских наркокартелей.

Кроме того, наряду и бок о бок с современной цивилизацией продолжают существовать племена и народности, как бы застывшие во времени. Антропологи, изучающие их быт и нравы, единодушно утверждают, что даже у самых примитивных племён есть в языке, а главное, в повседневной практике понятия и явления, близкие к тому, что мы понимаем под преступностью.

Множество относящихся к различным временам и народам, всесторонне подтверждённых и многократно проверенных фактов свидетельствует, что преступность как вид деструктивного поведения древнее и шире преступности как деятельности, нарушающей установленные государством или международным правом законы.

В своей основе преступность имеет не политический, а социально-психологический характер. Политическая форма, то есть нарушение законов, установленных властью в лице государства, включает в себе более универсальное содержание. Ещё в конце XIX века этологи и представители других естественных наук установили, а в XX–XXI веках окончательно подтвердили, что преступное поведение неразрывно связано с неоправданной агрессией, деструкцией, нарушающей нормальную жизнедеятельность тех или иных сообществ. На сегодняшний день неопровержимо установлено, что такого рода поведение свойственно не только человеку, но и многим видам млекопитаю-

ших, в том числе приматам, то есть обезьянам. Пожалуй, человек как биологический вид отличается от других высших млекопитающих, включая обезьян, тем, что является единственным биологическим видом, способным к геноциду, то есть массовому немотивированному убийству себе подобных, а также каннибализму, то есть поеданию представителей своего либо родственного вида. Ни одно сложное животное, за исключением человека, ни на что подобное не способно. На сегодняшний день это утверждение перешло из разряда гипотез в твёрдо установленный научный факт.

Столь малопривлекательные черты человека как биологического вида связаны не с каким-то потусторонним злом, материализовавшимся в его природе, и не с врождённой злобностью нашего биологического вида, а с его эволюционными достоинствами. Ещё в прошлом веке выдающийся советский психофизиолог П. Анохин достоверно установил, что поведение любых живых существ базируется на опережающем отражении действительности и адаптации к ней. Анохин в течение экспериментов, длившихся десятилетия, показал, что человек создаёт себе модель будущего в виде цели и затем действует сообразно этой модели. Это открытие позволило ему сформулировать теорию функциональных систем. Эта теория не только признана сегодня всем мировым сообществом, но и, что более важно, легла в основу многих успешных организационных, социальных и иных технологий. Иными словами, прошла проверку практикой.

Поскольку в отличие от других высокоорганизованных живых существ человек, как доказал другой советский выдающийся психолог В. Брушлинский, обладает наиболее развитой способностью к прогнозированию, именно эта способность вкрупне с организующей ролью опережающей адаптации и толкает человека как представителя животного мира к агрессивному поведению и девиантным поступкам. Они являются не чем иным, как попыткой заранее пресечь развитие неблагоприятных процессов и устранить конкурентов, которые в будущем могут представлять собой угрозу. Иными словами, порицаемые черты человеческого поведения являются не каким-то отдельно взятым феноменом, а оборотной стороной наиболее сильной способности человека прогнозировать развитие ситуации.

Именно в этой взаимосвязи и заключена глубинная основа девиантного поведения, агрессивных поступков и, в конечном счёте, преступности. При этом сама по себе преступность – это не столько психофизиологическая характеристика, сколько социальное явление. Ещё в XIX веке закончились споры о возможности и способности живого существа стать человеком в одиночку. Сотни примеров детей, похищенных животными либо лишённых общения со взрослыми и в результате так и не овладевших человеческой речью, способностью работы с понятиями и осуществлением целесообразной деятельности, убедительно подтвердили, что человек – существо социальное и может существовать только в группе или сообществе.

Существование сообщества – это более высокая ценность, чем существование каждого отдельного индивидуума. В определённых ситуациях жизни отдельных членов сообщества приносятся в жертву ради существования всего сообщества. Соответственно насилие, агрессия и преступления имеют социальные измерения. Один и тот же агрессивный поступок, вплоть до убийства, в одних случаях может быть не только разрешён, но и поддержан сообществом, а в других – порицаем и жесточайшим образом наказываем. Соответственно преступления – это поступки, противоречащие интересам сообщества и закреплённые, как правило, в различных традициях, нормах и т. п. В этом смысле преступление как нарушение закона – лишь закрепление и оформление гораздо более древнего и мощного основания классификации поведения на одобряемое и девиантное, связанной с интересами сообщества как целостности.

* * *

Социопсихологическая глубинная основа преступности увязывает в тугой узел тенденции развития криминала с динамикой демографических процессов. Ранее уже отмечалось, что мы живём в удивительное время – период демографического перехода. Впервые за всю историю человечества его численность перестаёт расти и постепенно стабилизируется. Помимо и в рамках

демографического перехода имеет место ещё один уникальный процесс, не имевший аналогов в прошлом. Последние без малого 300 лет население в мире и даже в развитых странах непрерывно, хотя и различными темпами, молодело. С конца XX века в развитых странах имеет место прямо противоположная тенденция: происходит старение населения.

Всё было бы ничего, если бы старение населения не сопровождалось усилением неравенства во всех развитых странах мира и стагнацией доходов у среднего класса и менее обеспеченных слоёв населения. Например, в Соединённых Штатах доходы среднего класса не растут с 1985 года, в Германии – с 2002 года, в России рост реальных доходов, имевший место с начала века по 2014 год, за последние три года сменился регрессом, и реальные доходы откатились на уровень 2007 года.

Комбинация старения населения, усиления неравенства и стагнации доходов у подавляющей части населения имеет своим следствием отключение социальных “лифтов”. По сути, все привлекательные места оказываются заняты. В истории в таких случаях, вне зависимости от степени развитости общества, имеет место повышение уровня преступности. Пока в Северной Америке, в Европе и в России эта тенденция не слишком заметна. Объяснение этому удивительному факту весьма простое. Только и именно молодёжь способна занимать рабочие места, предполагающие новые компетенции, знания, профессиональные навыки, которых нет у лиц старших возрастов. Интернет, информационные технологии дали возможность в девяностые и нулевые годы в развитом мире смягчить последствия отключения социальных “лифтов”. Однако с середины нулевых этот компенсаторный этап сходит на нет.

Новая производственная революция с роботизацией, способная, по самым различным оценкам, в ближайшие 10 лет заполнить роботами примерно 40% рабочих мест не только в промышленности и транспорте, но и в сфере услуг, чуть в меньшей степени – в компьютерной индустрии, делает проблему отключения социальных “лифтов” и устройства молодёжи в жизни острой, как никогда в истории. Если общество не найдёт путей решения этой проблемы, то ответом молодёжи обществу будет волна высокотехнологичной преступности.

Демографические процессы с точки зрения динамики преступности имеют и ещё одно измерение. В современном мире происходят парадоксальные процессы. С одной стороны, он непрерывно фрагментируется на отдельные сообщества, субкультуры и т. п. А с другой – стремительно растёт связанность мира. Географические расстояния перестают играть роль барьеров, каковыми они были в прошлом.

В 2011 году известный норвежский историк и антрополог, советник НАТО и правительства Германии Гуннер Хайнсон опубликовал книгу “Сыновья и мировое господство. Террор при росте и падении нации”. За пять лет работа переведена более чем на 30 языков, за исключением русского. В книге Г. Хайнсон обосновывает, используя эмпирическую базу мировой и страновой статистики за 1960–2005 годы, тезис о сильном влиянии демографического фактора на возникновение гражданских волнений и государственных и межгосударственных войн, уровень насилия и преступности в обществе.

В своей книге “Сыновья и мировое господство” Хайнсон даёт объяснение явлению, породившему непредвиденную и необъяснимую волну криминала, терроризма и насилия, которая сокрушает в настоящее время наш мир, назвав это явление “злочастивным демографическим приоритетом молодёжи, (“Youth Bulge” или, дословно, “разбухание молодёжи”).

Определение этого явления подтверждается элементарным математическим расчётом – сравнением количества мужчин в возрасте 40–44 лет с мальчиками в возрасте от 0 до 4 лет. Демографический сбой происходит тогда, когда на каждых 100 мужчин в возрасте 40–44 лет приходится меньше, чем 80 мальчиков в возрасте от 0 до 4 лет. В Германии это соотношение равно 100/50, а в секторе Газы – 100/464.

Хайнсон использует термин “демографический сбой”, чтобы охарактеризовать страны, которые будут неспособны сопротивляться “приоритету молодёжи” из других стран. Германия и Япония демографически готовы к сдаче странам, подобным мусульманским, – Афганистану (100 мужчин/403 мальчика), Ираку (100 мужчин/351 мальчика) и Сомали (100 мужчин/364 мальчика).

Насилие, включая рост преступности, имеет тенденцию происходить в тех обществах, где юноши от 15 до 29 лет составляют больше 30% от общего на-

селения. Причины – религия, национализм, отключение социальных “лифтов” и т. п., то есть во имя чего вершится это насилие, – несущественны. Сейчас в мире существует 67 стран с демографическим приоритетом молодёжи, в 60 из них уже происходит либо массовый геноцид, либо гражданская война*.

Первое издание вышло в 2003 году на немецком языке. В 2006 году Г. Хайнсон доработал модель и предоставил прогноз ближайших событий на Ближнем Востоке, который он рассматривал как взрывоопасный регион. Как известно, вскоре началась “арабская весна”, а Г. Хайнсон стал мировой знаменитостью.

Другим шокирующим подтверждением старой истины, что каждое положительное явление и процесс имеет тёмную сторону, стали результаты многолетних исследований, проведённых американскими и британскими университетами в сотрудничестве с полицией Нью-Йорка, Чикаго, Сиэтла, Лондона и Эдинбурга. Эти исследования напрямую связаны с гуманитарным, а точнее – с социопсихологическим измерением преступности.

В течение 17 лет – с 1993-го по 2010 год – исследователи изучали взаимосвязь между преступлениями, совершёнными несовершеннолетними, вызовами родителей в школу и в полицейские участки в качестве профилактической меры, связанной с нарушающим общественные нормы поведением детей, и наблюдением детей у психотерапевтов, психоаналитиков и в центрах реабилитации детей с отклоняющимся поведением. Исследователей интересовали не средние величины, а наличие связи трёх указанных факторов в судьбе каждого конкретного ребёнка.

Полученные результаты были столь неожиданны, что исследователи в течение нескольких лет колебались, публиковать ли итоговый доклад. В итоге он вышел в свет лишь в 2015 году. Если в 1993 году из 100% правонарушителей, чьи деяния были квалифицированы как преступления, у чуть более 30% детей родители до этого в профилактических целях вызывались в школу и менее 7% наблюдались у психотерапевтов и т. п., то в 2010 году показатели оказались следующие: профилактически вызывались родители не более чем у 22% детей, зато под наблюдением психотерапевтов оказалось 34%.

Доклад породил множество споров. Более того, начиная с 2016 года ряд американских, австралийских и французских университетов начал аналогичные исследования, которые должны либо подтвердить, либо опровергнуть опубликованные результаты. При этом в ходе обсуждения чётко выявились две позиции. К одной принадлежали школьные учителя, а также представители различного рода общественных организаций и организаций помощи и реабилитации малолетних преступников. Они обвинили авторов доклада в нарушении научной этики, нетолерантности и сегрегационном отношении к детям. Подавляющее большинство практиков из правоохранительных органов, врачей и психотерапевтов, а также психофизиологов, занимающихся стрессом, горячо поддержали авторов доклада. Их аргументы состояли в следующем.

Футурошок, который испытывают значительная часть населения западных стран, неизбежно ведёт к напряжённости в семьях, а также в отношениях детей и родителей. Стремительно нарастающее число и интенсивность действий стрессовых факторов, особенно в крупных мегаполисах, подтверждённое сотнями независимых исследований на всех континентах, не может пройти мимо психики детей. Детская психика гораздо более подвижна и пластична. В соответствии с эмпирическими факторами и теоретическими прогнозами дети, прежде всего, тинэйджеры реагируют на стрессовые факторы протестным поведением. Далее протестное поведение перерастает, в том числе под влиянием старших сверстников, а также криминальной среды, в преступное поведение.

Хотя спор и не закончен, на состоявшейся в 2016 году конференции профайлеров и психологов полицейских подразделений крупнейших городов Америки был сделан вывод, что всё растущее число молодых преступников имеет приобретённые асоциальные черты типа социопатии, нарциссизма, невротизма и т. п.

Представляется, что в споре правозащитников и правоохранителей правда жизни находится на стороне полицейских, а не общественников. Коль скоро преступность в своей глубинной основе – это не только нарушение закона,

* Г. Хайнсон. Сыновья и мировое господство. Террор при росте и падении нации. <http://www.budyon.org/gunnar-heinsohn-sohne-und-weltmacht-terror-im-aufstieg-und-fall-der-nationen/>.

но и, прежде всего, нарушение общественных норм, традиций и правил поведения сообществ и общин, молодые люди, не идентифицирующие себя с обществом, противопоставляющие себя ему, не видят в правилах и традициях обязательные нормы поведения. Они даже не столько противопоставляют себя обществу, сколько просто не чувствуют и не понимают тех или иных запретительных норм. Они для них не существуют.

В последние годы было проведено ещё одно исследование, заметно изменившее взгляды на преступность. Традиционно не только в Советском Союзе с его марксистско-ленинской идеологией, но и на Западе бытовала точка зрения, что бытие и условия, прежде всего, материальной жизни определяют сознание и поведение. Исследования, проведённые в Европе и в Америке в последние пять-семь лет, позволяют с уверенностью говорить, что в жизни имеет место кольцевая либо циклическая зависимость. Бытие действительно определяет сознание, но и сознание не в меньшей степени формирует бытие и, прежде всего, поступки того или иного человека.

Северо-восточный университет США, Токийский университет и Цюрихский технологический университет по просьбе правоохранительных органов провели в 2011–2014 годах исследования, связанные с влиянием компьютерных игр на психику тинэйджеров. Заказ правоохранителей был вызван при-скорбными, можно даже сказать, трагическими событиями. Начиная с 2011 года в Северной Америке, Европе и Японии не прекращается волна самоубийств среди детей и тинэйджеров. В рамках международной программы по противодействию этому страшному процессу и было заказано исследование в университетах, имеющих мощные бихевиористские лаборатории.

Выяснилось, что у детей в возрасте от 10 до 13 лет, играющих в компьютерные игры на четверть времени больше, чем в среднем по данной возрастной группе, участие или попытка участия в индивидуальных или коллективных самоубийствах больше на 17%, чем в среднем. У тинэйджеров в возрасте от 14 до 17 лет эта доля увеличилась до 23%. Неожиданной стала следующая цифра. У тинэйджеров, которые увлечены компьютерными играми больше, чем сверстники, почти на треть выше шанс оказаться среди задержанных полицией за действия, инкриминируемые как уголовно наказуемые.

Доклад имел неожиданные последствия. Несколько крупных международных компаний – производителей компьютерных игр – выступили в специальных изданиях с опровержением исследования и критикой его методологии. В результате компании-производители и университеты-участники программы, а также правоохранители-заказчики исследований провели совместный круглый стол. О его результатах было сказано широко общественности. Выяснилось, что игры играм рознь. Когда организаторы исследования, задокументированного с необычайной тщательностью, исключили из времени, потраченного на игры, стратегические игры, то результаты оказались ещё более ошеломительными. Дети, увлечённые различного рода атмосферными играми, ужасами, имитацией манги, склонны примыкать к движению коллективных самоубийц почти наполовину чаще, чем их сверстники, увлекающиеся играми в пределах нормы. Что же касается преступлений, то здесь ещё более сильная зависимость была выявлена для тинэйджеров, проводящих часы напролёт за различного рода “стрелялками” и аркадными играми. Психологи-практики, выступавшие на круглом столе, сказали, что их результаты исследования ничуть не удивили. Они об этом пишут уже в течение 20 лет. В качестве доказательства были приведены названия статей и книг, изданных на эту тему в мире за последние 25 лет.

Психологи объяснили: не только неокрепшая детская психика, но даже психика тинэйджеров остаётся весьма пластичной, ориентированной на приобретение новых навыков и впечатлений. Чем чаще подросток играет в компьютерные игры, тем слабее его мозг как психофизическая система различает сигналы, поступающие из реальности и виртуального мира. Он начинает жить в единой цифровой реальности. Живя в единой цифровой реальности, подросток на бессознательном уровне запоминает, что в случае плохого итога игру можно отключить, а при неудаче пройти препятствия ещё раз. В результате в реальности у него формируется игровое поведение. Для игрового поведения характерно непонимание необратимости поступков и отсутствие сформированного чувства ответственности за те или иные действия.

Ещё два десятилетия назад географические расстояния, а тем более моря и океаны были трудно преодолимой преградой для антропополюсов. Однако сегодняшний мир стал маленьким в буквальном смысле этого слова. Не только телекоммуникации, но и разветвлённые дешёвые воздушные и морские перевозки сделали Европу и Северную Америку доступными для обитателей других континентов. В XXI веке резкое повышение логистической доступности резонансно наложило на погружение огромных территорий в войны, беспорядки, бедность, нищету. В Европу, начиная с “арабской весны” конца нулевых годов, устремился поток беженцев-эмигрантов из стран Магриба, Леванта, Сирии, Ирака, Афганистана. Великобритания испытывает всё растущий напор иммиграционных волн из африканских стран Британского содружества наций и Индии. В Соединённые Штаты прибывают миллионы мигрантов, частично законных, частично – нет, из Мексики и других стран Центральной и Латинской Америки.

Если в течение XX века власти развитых стран осуществляли программы по ассимиляции вновь прибывших, стараясь добровольно, а иногда и насильно адаптировать беженцев и мигрантов из третьего мира к европейской и американской культуре, обществу, нормам и традициям, то в конце 90-х годов и в XXI веке победил мультикультурализм.

Мультикультурализм означает, что вновь прибывшие в новую страну жительства вправе сохранять свою культуру, традиции, нормы поведения и проживать замкнутыми сообществами, минимизируя контакты с внешним миром.

В 2016 году Европол опубликовал доклад “Изменения в методах деятельности Исламского государства. Новые задачи для правоохранительных органов стран ЕС”. В нём приведены поистине поразительные факты.

“По данным комиссий ЕС, в результате мультикультурализма наиболее сильно пострадали интеграционистские социальные связи в Бельгии, Дании и Германии. Политика мультикультурализма в соседних странах привела к усилению напряжённости во Франции. Де факто не поддерживая мультикультурализм, на практике французские власти вынуждены все чаще действовать не в рамках политики Трёх А, а в рамках мультикультурализма. Если ещё в 90-е годы вновь прибывающие преимущественно из районов Магриба и Ближнего Востока мигранты-гастарбайтеры в течение первых трёх лет в доле не менее 60% осваивали немецкий язык. В настоящее время каждый второй вновь прибывающий в Германию в течение трёх лет не общается с немцами вообще, а более 2/3 не предпринимают попыток к изучению немецкого языка. Это приводит к замыканию мусульманских общин. В настоящее время на территории Франции находится более 720 замкнутых мусульманских общин, в Германии – более 640, более 160 – в Бельгии, и почти 90 – в Дании. Подобные общины трудно проницаемы для правоохранительных органов и, по сути, ведут отдельное от стран размещения существование”.

Таким образом, мигранты, проживая на территории Северной Америки и Европы, не адаптированы к современному обществу. Более того, согласно тому же докладу, значительная часть из них не знает даже языка страны проживания и не собирается его учить. В результате вновь прибывшие мигранты живут по законам, традициям и установкам своего сообщества, подчас находящегося под влиянием джихадистского ислама или других экстремистских идеологий. В силу незнания языка и отсутствия устойчивых профессиональных и даже человеческих контактов с населением страны нового проживания, мигранты ведут себя так, как это диктует их община, а не законы и культурные нормы страны пребывания.

Практически во всех странах с высоким уровнем нелегальной миграции правоохранительная статистика демонстрирует устойчивый рост бытовой и уличной преступности со стороны вновь прибывших нелегальных мигрантов. Это вызывает политические волнения, недовольство коренного населения, влияет на политические кампании. Например, успех Д. Трампа в США, “брексит”, а также поправление избирательных предпочтений в Германии и Франции являются следствиями именно этого процесса. Однако есть основания полагать, что пока правоохранители имеют дело лишь с лёгкими последствиями нелегального антропополюса. В странах, подвергшихся разрушениям и превратившихся в зону военных действий, например, Сирии, Ливии, отчасти в Ираке до трагических событий была развита промышленность,

сфера образования и т. п. В этих странах немало инженеров, конструкторов и даже айтишников. Они также оказались среди беженцев. Определённая часть из них, безусловно, нашла работу и адаптировалась в новых регионах проживания. Однако это относится далеко не ко всем. Соответственно с каждым годом возрастает опасность проникновения в страны Северной Америки и Европы не только террористов-джихадистов, но и террористов и преступников, использующих в качестве орудия преступления компьютерные программы, биокомпоненты и т. п. В уже упомянутом докладе Европола отмечено, что в 2016 году джихадисты впервые, используя марокканский маршрут, пытались вместе с биотехнологами из Ливии перебросить в Европу биологическое оружие. В ходе оперативных мероприятий правоохранительным органам Франции и Германии удалось пресечь деятельность нескольких расположенных в замкнутых общинах своеобразных школ для молодёжи. Там молодых людей учили основам компьютерной грамотности и методам использования троянов и вредоносного софта для осуществления террористических актов и преступной деятельности.

Приведённые выше примеры показывают, что рассматривать и изучать преступность исключительно под углом зрения закона в современном мире является неоправданной роскошью. Наряду с правовым, технологическим, постоянно возрастает значение гуманитарного измерения преступности. Человеческие психика и мозг, как недавно выяснили учёные, эволюционируют гораздо быстрее, чем человеческое тело. Этот факт чем дальше, тем больше будет определять общественную жизнь и характер схватки между криминалом и правоохранительными органами.

Картография высокотехнологичной преступности

Заголовки типа “Высокотехнологичная преступность в мире выросла на 30%” или “Страну захлестнули высокотехнологичные преступления” заполнили страницы электронных СМИ, экраны телевизоров. Однако сделаем парадоксальное заявление. Ни в международном, ни в национальных законодательствах нет такого термина, как “высокотехнологичная преступность”. Более того, термин “компьютерная преступность” в большинстве стран мира, и Россия — не исключение, относится к реальности, существовавшей лет 25 назад, и никак не соприкасается с днём сегодняшним.

Однако это полбеды. Как мы уже отмечали, в 2015 году был издан серьёзный труд *Future crime* бывшего оперативника, высокопоставленного международного чиновника и профессора Марка Гудмана. Он быстро стал бестселлером Amazon и уже более года входит в число наиболее продаваемых книг в Америке. В нём можно найти оценку объёма высокотехнологичных преступлений, совершённых в мире в 2014 году на уровне полутора триллионов долларов. В 2017 году по англоязычным кабельным каналам начал демонстрироваться документальный телесериал *Deep Dark Tech*. Тема всё та же — высокотехнологичная преступность. Сериал комментировали ведущие аналитики в области компьютерной преступности, действующие сотрудники правоохранительных органов Северной Америки и Европы, журналисты-расследователи, хакеры и даже бывшие компьютерные преступники. В фильме оценка масштабов высокотехнологичной преступности дана на уровне четырёх триллионов долларов.

В реальности на сегодняшний день ни полицейские, ни эксперты, ни Интерпол, ни Европол не знают реальных масштабов высокотехнологичной преступности. Это связано не только с тем, что, несмотря на широкое использование термина, издание специальных исследований ООН, Международного союза электросвязи, доклады Интерпола, Европола, ФБР, документы специальных структур СНГ и ОДКБ, он не имеет чёткого нормативно-правового определения, а правовое определение компьютерной преступности в подавляющем большинстве стран устарело. Проблема гораздо глубже.

Полицейские, исследователи и правоохранители, не имея правового определения высокотехнологичной преступности, чисто интуитивно выработали собственное неформальное. Оно базируется на использовании преступниками различных достижений и инструментария хайтека как орудий преступления. Именно такого, сложившегося в реальной правоохранительной деятельности понимания высокотехнологичной преступности будем придерживаться и мы в этой работе.

В 2016 году на одной из конференций Европола представители Скотланд-ярда поведали показательные цифры. Выяснилось, что в Лондоне примерно

о 65% преступлений бытового характера их жертвы и невольные свидетели заявляют в полицию, и более чем по 90% из них открываются дела. Применительно к имущественным преступлениям против бизнеса эти цифры выглядят так: 75% и более 90%. В случае же компьютерных преступлений заявляется не более чем о 20% преступлений, и менее чем по трети начинаются оперативно-розыскные и следственные действия.

Цифры можно было бы посчитать случайными, если бы не выступление одного из руководителей учебного центра ФБР на крупной международной конференции в Лос-Анджелесе в 2016 году. В Калифорнии по заявлениям граждан, связанным с физическим насилием и преступлениями имущественного характера, открывается более 80% дел от общего числа обращений. В тех случаях, когда речь идёт о компьютерных преступлениях, открывается не более 15–20% дел.

Несложно заметить, что потерпевшие, будь то физические или юридические лица, не очень верят в способности полиции найти и наказать высокотехнологичных преступников, а правоохранные органы, избегая “висяков” — нераскрытых дел, — стараются под любым предлогом либо не принимать заявления, либо не возбуждать дел по ним.

Сложившаяся ситуация ведёт к двум весьма неблагоприятным и чем дальше, тем бóльшим последствиям. Поскольку потерпевшие не заявляют, а правоохранные органы, в основном, либо не находят виновных, либо стараются не возбуждать дел, никто доподлинно не знает ни масштабов, ни динамики, ни структуры высокотехнологичной преступности. Эта ситуация характерна не только для Соединённых Штатов, Великобритании, но практически для всех стран мира, включая Россию. А когда врага не знаешь (или избегаешь), с ним трудно, а подчас и невозможно бороться.

Отсутствие во многих, если не в большинстве случаев обращений потерпевших от высокотехнологичных злоумышленников в полицию, а также слабая раскрываемость подобных преступлений формирует у высокотехнологичных преступников не только чувство безопасности, но и превосходства по отношению к правоохранителям. Сочетание высокой результативности подобных преступлений с их относительно невысокой ценой и доступностью не только для крупных организованных группировок, но и небольших групп и даже одиночек при низких рисках быть наказанными делает высокотехнологичную преступность самым привлекательным направлением преступности XXI века. Её масштабы нарастают, как снежный ком. Причём есть основания полагать, что с каждым годом не только объёмы, но и динамика выручки компьютерных преступников увеличивается. В сети *Tor*, ставшей де факто глобальным виртуальным преступным пространством, время от времени проходят своего рода онлайн-конференции преступников по обмену опытом. На этих конференциях криминал оценивает масштабы компьютерной преступности уже сегодня как сопоставимой с объёмом мирового наркотрафика.

Большая часть всемирно известных экспертов в области современного криминала, включая Марка Гудмана, Брюса Шнайдера, Тима О’Коннора, в книгах, выступлениях и интервью в основном сводят высокотехнологичную преступность к криминалу в области информационно-коммуникационных технологий. В значительной части этой верно. Информационные технологии являются несущей конструкцией и наиболее динамичным элементом новой производственной революции. Какое её направление ни возьми — роботы, 3D-печать, синтетическую биологию, искусственный интеллект, — везде на первом плане программно-аппаратные средства, компьютерные или информационные технологии.

Работа, находящаяся в ваших руках, базируется на несколько ином, более широком подходе. Несмотря на то, что технология происходит от древнегреческого *techne* или искусство, по сути, она ближе не к труду художника, а к работе программиста. Любая технология — это алгоритм. Последовательность действий и операций с использованием конкретных навыков и инструментов, обеспечивающая при правильном выполнении достижение заранее заданного результата. Технологии присутствуют везде: в обработке, хранении и транспортировке вещества, энергии и информации. В производственной, финансово-экономической и социальной жизни. Везде есть примитивные технологии, предполагающие наличие простых навыков и применение примитивных инструментов, и продвинутые, предъявляющие особые требования к человеку и орудиям.

В работе, хотя преимущественно речь будет идти об использовании в криминальных целях информационно-коммуникационных или компьютерных технологий, будут затронуты темы преступного применения передовых поведенческих, психофизиологических и организационных технологий.

До сих пор не только среди общественности, но и среди правоохранителей всех развитых стран мира идут дискуссии о высокотехнологичной преступности и высказываются различного рода предложения, как повысить эффективность работы полиции и следствия в борьбе с цифровым криминалом. Представляется, что время для таких дискуссий безвозвратно ушло. Уже сегодня, а тем более завтра нетехнологичной преступности не существует и не будет существовать вообще.

Это верно не только для лидеров в области ИКТ – США, России, Великобритании, Южной Кореи, Китая, Франции, но и для стран Азии, Латинской Америки, Африки, включая даже несостоявшиеся государства и зоны беспорядка.

Поскольку техника и технология сегодня проникли во все сферы деловой, общественной и повседневной жизни и мир стремительно вступил в эпоху интернета, в любом преступлении имеется высокотехнологичный компонент. Например, не обременённые излишними навыками и знаниями малолетние преступники в трущобах африканских городов обмениваются планами уличной кражи при помощи смартфонов, используя, например, шифрованные мессенджеры.

В нынешние времена, когда интернет всего из прогноза превратился в повседневную реальность, мир и особенно развитые страны охватила **паранойя по поводу приватности**. Взрослые люди на полном серьёзе опасаются, что Большой Брат под именами Google, Apple, Facebook и т. п. следит за ними и фиксирует каждый шаг. Запуганные электронными СМИ, люди склонны видеть в интернете исключительно негативную сторону вроде чайника, убивающего своего хозяина. Между тем, уже в 2016 году только в Соединённых Штатах было зафиксировано более 2000 случаев, когда подозреваемые избежали серьёзных наказаний и возбуждения дел против них, поскольку имели неопровержимые алиби. Алиби предоставили им не родственники или случайные свидетели, а их умные дома, гаджеты и т. п. Непрерывно фиксируя передвижения своих хозяев, они предоставили полицейским неопровержимые данные, что в момент преступления подозреваемые находились в другом месте и не могли быть замешаны в случившемся. Любой процесс, а интернет – не исключение, имеет не только отрицательную, но и положительную сторону. Он не только создаёт новые угрозы со стороны преступников, но и даёт правоохранителям дополнительные возможности не только раскрывать, но и профилактировать криминал.

Возвращаясь к теме высокотехнологичной преступности, вслед за правоохранителями и практиками **будем считать преступность высокотехнологичной в том случае, если криминал использует аппаратные либо программные средства не для коммуникаций между собой, а непосредственно как инструмент преступления.**

Таким образом, высокотехнологичная преступность – это использование высоких технологий одиночками, группами или сообществами в деятельности, выходящей за рамки законов, а также норм и установок, признанных в обществе. Любая высокая технология может иметь гражданское, военное и криминальное применение.

В зависимости от уровня знаний и профессиональных навыков, требующихся для использования тех или иных аппаратных либо программных средств, различается низко- и высокоуровневая технологическая преступность. В зависимости от уровня компетенции и степени владения знаниями, навыками, требуемыми для использования высоких технологий как преступных инструментов, криминал подразделяется три группы.

Первая – это **пользователи**. Преступники-пользователи – это криминал, способный разобраться в программно-аппаратных средствах и применить их возможности в преступной деятельности.

Вторая – это **комбинаторы**. Преступники-комбинаторы обладают более высоким уровнем технологических компетенций, чем пользователи. Они хорошо знают возможности и потенциал различных устройств, приборов, программ, сервисов и т. п. и способны составлять из них комбинации, позволяющие осуществлять более сложные преступления или традиционные преступления с гораздо более высокой степенью эффективности и незаметности.

Третья – это **разработчики**. Преступники-разработчики – это, как правило, специалисты, обладающие высоким уровнем профессиональных компетенций, в основном не просто окончившие высшие учебные заведения, но имеющие опыт работы по специальности. Для совершения тех или иных преступлений или ведения преступной деятельности в определённой сфере они самостоятельны или в составе преступной группы создают те или иные программные или аппаратные средства. Если в конце XX – начале XXI века преступники-разработчики создавали технологии для себя, то сегодня, в основном, они делают это для продажи, реализуя на криминальных рынках в оффлайне и онлайн.

Поскольку высокие технологии, используемые в преступных целях, в равной степени подходят криминалу, террористам, а также государственным структурам несостоявшихся государств и стран, попирающих нормы международного права, то чем дальше, тем больше деятельность криминала пересекается с активностью криминальных групп и операциями злонамеренных государств.

В связи с тем, что преступность является неотъемлемым спутником человеческой цивилизации, то как отдельный феномен она будет сохраняться в самых высокотехнологических обществах. Также весьма вероятно, что даже в наиболее динамичных и сложноорганизованных обществах по-прежнему будет иметь место деление на уличную, спонтанную и организованную преступность. Наряду с преступниками-одиночками будут, несмотря на все усилия правоохранительных органов, сохраняться все более замаскированные и меняющие свои структуры организованные преступные группы.

При наличии определённых инвариантов преступной деятельности, вне зависимости от её технической оснащённости, анализируя последние 25 лет, можно выделить и несколько набирающих силу тенденций. Прежде всего, наряду с организованными преступными группами, в том числе этнического характера, по мере развития информационно-коммуникационных технологий **начали складываться наднациональные трансграничные группировки, увязывающие в единое целое преступников-одиночек, спонтанные группы, ОПГ в масштабах национальных государств, распределённые мозговые центры и своеобразные фабрики преступников-разработчиков.**

Также налицо тенденция найма государственных разведывательными органами для проведения операций не только хакерских, но и организованных преступных группировок. Эта тенденция, сформировавшаяся в онлайн, в интернете, уже в XXI веке набирает силу и в оффлайне. Всё чаще представители, а иногда и целые организованные преступные группировки рекрутируются для ведения военных действий в рамках частных военных компаний или иррегулярных вооружённых формирований в рамках прокси-войн. Особо широкое распространение эта тенденция получила в Центральной Америке, на Среднем Востоке и в зоне Золотого треугольника.

Наконец, согласно докладу Интерпола и Европола, посвящённому киберпреступности и финансовой преступности, опубликованному в 2016 году, растут масштабы и крепнут связи между легальным бизнесом и добропорядочными с виду финансовыми и инвестиционными институтами и киберпреступниками, а также другими представителями высокотехнологичного криминала. Эти связи имеют двусторонний взаимовыгодный характер. С одной стороны, легальный бизнес нанимает высокотехнологичный криминал для кражи интеллектуальной собственности и компрометации конкурентов, а с другой – легальные финансовые институты во всё возрастающих масштабах отменяют преступные деньги.

В заключение солидаризируемся с выводом подавляющего большинства докладов Интерпола, Европола и других международных организаций, а также ассоциаций работников правоохранительных органов относительно проникновения высокотехнологичной преступности во все ключевые сектора экономики, сферы повседневной жизни и даже политические и, более того, правительственные структуры многих государств мира. К сожалению, высокотехнологичная преступность для подавляющего большинства жителей развитых государств превращается из предмета разговоров либо темы телесериалов во врага, с которым рано или поздно предстоит встретиться. Поэтому лучше изучить его заранее. Узнать его сильные и слабые стороны, чтобы чётко понимать, как и к кому обратиться за помощью и на что реально можно рассчитывать, взаимодействуя с правоохранительными органами и частными структурами безопасности.

(Продолжение следует)